

УДК 32.329

*И.Ф. Сергеевкова***ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРУПНОГО БИЗНЕСА И НАЦИЗМА
В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ИСТОРИОГРАФИИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

В статье анализируется освещение американскими и английскими историками одной из ключевых проблем истории нацизма – отношения НСДАП с крупным бизнесом в годы Веймарской республики. Крах первой демократической республики в Германии и приход нацистов к власти стали большой трагедией для мировой истории. Какие силы погубили Веймарскую республику, и кто несет за это ответственность, всегда вызывал интерес у исследователей. Число научных публикаций по этой теме очень велико, поэтому основное внимание уделено работам наиболее известных американских и английских специалистов. В статье прослеживается эволюция взглядов историков на роль монополистической буржуазии в приходе нацистов к власти, начиная с 1930-х гг. вплоть до сегодняшнего дня, обусловленная сменой исследовательских парадигм и поколений историков. Большая часть американских и английских историков, отвергают определение фашизма, данное на XIII Пленуме ИККИ о фашизме как открытой террористической диктатуре наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Однако в большей части работ ответственность бизнес-элиты за крах Веймарской республики в той или иной степени признается. В статье делаются выводы о перспективах и направлениях дальнейшего изучения данной проблематики.

Ключевые слова: крупный бизнес, Гитлер, нацизм, нацистская идеология, историография, Веймарская республика, американские историки, английские историки.

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-100-119

Введение

Роль немецкого крупного бизнеса в европейских делах в первой половине XX века навсегда останется зловещей. Немецкие промышленники и банкиры способствовали приходу Гитлера к власти. В 1939–1945 гг., когда нацисты предприняли попытку поработить большую часть стран Европы, они создавали вооружение, которое опустошило Европу и привело к гибели миллионы людей. Заводы производили артиллерию, самоходки, боеприпасы, обеспечивали техникой бронетанковые подразделения вермахта, которые прошли через Польшу, Францию в 1939 г. и вторглись в Советский Союз в 1941 г. Компания «Хейнкель» снабжала Люфтваффе боевыми самолетами, концерн Сименса был неотъемлемой частью производства электрооборудования для армии и флота; химический фармацевтический гигант И.Г. Фарбениндусти производил синтетический каучук, синтетический бензин и газ «Циклон В», применявшийся для массовых убийств в газовых камерах концлагерей. Все эти корпорации дополнительно использовали рабский труд военнопленных и заключенных концлагерей, тесно сотрудничая с СС. Например, лагерь смерти Освенцим был разделен на несколько подразделений, одно из которых предназначалось специально для военного производства. Оно находилось недалеко от польского города Моновиц, где трудились заключенные концлагеря Освенцим. Лагерь Освенцим также поставлял рабочую силу для ряда других немецких фирм, включая Круппа, Борзинга и Сименса. После окончания войны в Нюрнберге на скамье подсудимых оказались 32 собственника и сотрудника концернов Крупа, Флика (сталелитейная и угольная промышленность) и члены правления И.Г. Фарбениндусти. На процессах были представлены многочисленные документы, свидетельствующие о соучастии лидеров ведущих германских монополий в военных преступлениях нацизма и преступлениях против человечности. Казалось бы, что все точки расставлены, оценки даны, однако рассматриваемая проблема по-прежнему находится в русле одного из наиболее актуальных направлений исторической науки. Споры о связи нацизма и крупного бизнеса не утихают по сей день, так как решение этой проблемы является одновременно предпосылкой и важным критерием для интерпретации природы фашизма.

Целью данного исследования является анализ концепций о роли крупного бизнеса в установлении нацистской диктатуры, представленных в исследовательской литературе США и Великобритании. Наряду с ФРГ эти страны стали важными научными центрами изучения фашизма. В 1976 г. в Лондоне был основан Германский исторический институт. Аналогичный институт появился в США в 1987 г. Оба института являются крупными научными центрами по изучению истории Германии

и организационно объединяют ученых США, Великобритании и ФРГ. Большую исследовательскую работу по истории Германии ведут университеты Великобритании и США.

В отечественной исторической науке тема взаимоотношений крупного бизнеса и нацизма в Веймарской республике в американской историографии частично представлена в работах российского историка А.А. Богдашкина [1-4].

В основу исследования положены хронологический принцип, метод сравнительного анализа и системного подхода. Сравнительный метод предоставляет возможность выявить общее и особенное в оценках исследователей проблемы «нацизм и монополии». Системный подход позволяет исследовать историографию как систему взглядов на избранную проблему.

Изучение проблемы «нацизм и монополии» в 1930-е годы

Изучение нацизма уходит своими корнями в публицистику предвоенных и военных лет. Тогда появились многие оценки, которые сохраняют свою актуальность и в настоящее время. В США и Великобритании, в отличие от ФРГ, практически не было работ, в которых бы грубо искажалась история фашизма, содержалось прославление нацистского господства [9. С. 8].

Проблема «нацизм и монополии» находилась в центре внимания историков с момента прихода Гитлера к власти. В декабре 1933 г. на XIII пленуме ИККИ в тезисах «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий» впервые было дано марксистское определение фашизма: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и, в частности, деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс» [11. С. 589]. Определение фашизма, данное Коминтерном, не вызвало в то время категоричного отрицания у значительной части исследователей США и Великобритании, что объясняется тревогой общественности США и Великобритании за события, происходящие в Германии. В США «общественные группы и слои вовлекались в антивоенно-антифашистскую борьбу. Активности масс способствовали кампания за расследование роли военной промышленности и распространение антивоенной литературы» [10. С. 180]. Большую роль в формировании антифашистского общественного мнения сыграла пресса. Например, редактор журнала *Opinion* Д. Вайзе и обозреватель газеты *New York Evening Post* Л. Лоур опубликовали свои статьи в сборнике «Нацизм: нападение на цивилизацию», где они характеризовали нацизм как «последнюю уловку капитализма сохранить свой экономический и политический status quo» [39. Р. 47]. Следует отметить и американских и английских журналистов, которые работали в Германии и сообщали общественности своих стран о политике, проводимой нацистами. В Великобритании активизация деятельности Британского союза фашистов привела к ответной реакции леворадикальной интеллигенции [63].

Одним из первых на появление фашизма откликнулся известный американский интеллектуал философ Рейнгольд Нибур. В работе «Моральный человек и аморальное общество» он характеризовал фашизм как выражение коллективного эгоизма и жадности привилегированных классов [41].

Профессор экономики Калифорнийского университета Роберт Брэди в работе «Дух и структура германского фашизма» рассматривал фашизм как диктатуру монополистического капитала, который был осведомлен о сущности этого движения и стремился направить его против профсоюзов, использовать для «...извлечения экономической выгоды внутри страны и на международной арене» [16. Р. 22]. По мнению Р. Брэди, «нацистская антикапиталистическая риторика была просто прикрытием реальных интересов бизнеса»: «Короче говоря, цель – это прибыль. Если в организованной экономике необходимо убедить сообщество в том, что служение превыше всего, можно утверждать, что прибыль – не более чем справедливая награда за успех в этом труде на общественное благо. Но для посвященных не может быть заблуждений; единственной и доминирующей целью обязательно является получение прибыли» [16. Р. 22].

Аналогичной точки зрения придерживался английский политолог, философ, теоретик лейбористской партии Гарольд Ласки, написавший предисловие к книге Р. Брэди; он считал, что «сущность фашизма, будь то в немецкой или итальянской форме, заключается в использовании привилегированными классами преступников для защиты от требований справедливости со стороны трудящихся масс» [31. Р. 349].

По мнению профессора Чикагского университета Фредерика Шумана, автора книги «Германия с 1918 года», победа фашизма «не была результатом влияния масс, а была конспиративным заговором крупных монополистов и юнкерства, которые готовились использовать вождя мелкой и средней буржуазии для разрушения демократии, истребления пролетарского радикализма и защиты собственных привилегий». «Национал-социализм, также как итальянский фашизм, – пишет Ф. Шуман, – оказался прекрасным средством для обогащения богатых и обнищания бедных» [49. Р. 92].

Большое влияние на американских и английских интеллектуалов оказали работы немецких историков-эмигрантов. Артур Розенберг, историк, член СДПГ, сумевший выехать из Германии в 1934 г., получил грант в Ливерпульском университете на исследование массовой базы фашизма. Результаты проведенного им анализа были опубликованный в виде брошюры «Фашизм как массовое движение» под псевдонимом Historikus: «Споры о теориях фашизма – это не просто развлечение для людей, которые сидят за письменными столами и размышляют о социологии. Это горькая и серьезная проблема чрезвычайной практической и политической важности для рабочего класса. Если вы хотите сокрушить своего врага, вы должны, прежде всего, точно знать его». И далее: «Сегодня рабочим как никогда необходимо не позволять себя запутать и деморализовать. Когда рассеивается туман, создаваемый фашизмом во всех странах, за ним видна слишком знакомая фигура. Этот персонаж, конечно, не является ни чудесным, ни загадочным, он не несет никакой новой религии и уж тем более золотого века. Он не принадлежит ни к молодежному движению, ни к мелкобуржуазным массам, даже если он знает толк в обмане обеих этих групп. Он контрреволюционный капиталист, закоренелый враг всех сознательных рабочих. Фашизм – не что иное, как современная форма буржуазно-капиталистической контрреволюции в народной маске» [47. Р. 146].

Британский писатель, журналист и публицист Дж. Оруэлл, не понаслышке знавший, что такое фашизм, пройдя через горнило гражданской войны в Испании, где он воевал на стороне республиканцев, писал: «Фашизм, по крайней мере в немецкой версии, – это форма капитализма, которая заимствует у социализма те особенности, которые делают его эффективным в военных целях...» [42].

В своем обращении 1938 года президент США Ф.Д. Рузвельт утверждал, что суть фашизма заключается в «росте частной власти до такой степени, что она становится сильнее, чем само демократическое государство» [46].

С началом войны в США и Великобритании усилилась политическая риторика, связывающая нацизм с монополизацией и картелизацией промышленности в Германии. Зимой 1943–1944 гг. подкомитет сената США по военной мобилизации Комитета по военным делам провел слушания о влиянии немецких картелей и монополий на приход Гитлера к власти и их содействие американской промышленности.

Проблема ответственности монополий за нацизм в трудах представителей Франкфуртской школы

В 1934 году в США эмигрировали немецкие ученые из Института социальных исследований при университете во Фракфурте-на-Майне, представлявшие ведущее неомарксистское направление в социологии. С 1939 года Институт социальных исследований стал работать при Колумбийском университете. Наиболее известными участниками Франкфуртской школы были Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Теодор Адорно, Франц Нойманн и другие. Франкфуртцы были убеждены, что между фашизмом и капитализмом существует тесная взаимосвязь. Макс Хоркхаймер метко заметил: «Кто не хочет говорить о капитализме, должен молчать и о фашизме» [28. Р. 115].

Представители Франкфуртской школы внесли большой вклад в изучение проблемы «нацизм и монополии» и оказали большое влияние на последующие научные исследования в США, Великобритании и ФРГ. Один из представителей этой школы Э. Фромм в своей знаменитой книге «Бегство от свободы», вышедшей в 1941 году и ставшей бестселлером, касаясь роли крупной монополистической буржуазии, пишет: «Без их поддержки Гитлер никогда не смог бы одержать победу». И далее: «Фашизм у власти... отвечал интересам наиболее могущественных групп немецкой индустрии» и был «прямым продолжением предвоенного империализма» [22. Р. 242, 243].

Выдающимся исследователем нацизма среди представителей Франкфуртской школы был Франц Леопольд Нойманн (Franz Leopold Neumann, 1900–1954), принадлежавший к левому крылу Социал-демократической партии Германии, руководивший организацией студентов-социалистов

во Франкфурте, участвовавший в Ноябрьской революции 1918–1919 гг. Еще в Германии он получил степень доктора юридических наук в Университете Франкфурта-на-Майне. Ф. Нойманн был практикующим адвокатом, специалистом в области трудового права и в судебных процессах представлял интересы профсоюзных организаций. Он также был главным консультантом СДПГ по юридическим вопросам. Когда в 1933 г. Гитлер пришел к власти, Ф. Нойманну пришлось бежать из Германии. Он переезжает в Лондон, где изучает политологию и социологию в Лондонской школе экономики. Здесь Ф. Нойманн работал под руководством известного политолога, экономиста, теоретика Лейбористской партии Великобритании Гарольда Ласки и в 1936 г. защитил вторую диссертацию, связанную с проблемами верховенства закона. Отсутствие работы заставляет Ф. Нойманна переехать в Нью-Йорк. Здесь он стал сотрудником Института социальных исследований. В 1942 году Ф. Нойманн вместе с Гербертом Маркузе и Отто Кирххаймером был приглашен на работу в аналитическое Управление стратегической службы (позже ставшее Центральным разведывательным управлением). В их функции входило подробное изучение событий, происходивших в нацистской Германии, и подготовка аналитических материалов для органов государственной власти США. Материалы, подготовленные Ффранкфуртской группой, были рассекречены только в середине 1970-х годов и опубликованы в 2013 году [52]. Участники группы имели доступ к широкому спектру материалов, получаемых из Германии, включая газеты, записи нацистских радиопередач, секретные разведывательные документы, рапорты командиров прифронтовых воинских частей, стенограммы прослушанных телефонных разговоров и записи допросов военнопленных немецких военнослужащих. Некоторые рекомендации Франкфуртской школы соответствовали общим установкам правительства США, другие – нет, что вызывало «настоящие «политические» баталии внутри администрации» – битвы, которые Ф. Нойманн и его коллеги почти всегда проигрывали [52. Р. 7–8].

Одна из этих «битв» касалась вопроса о степени виновности немецких бизнесменов за нацистские преступления, об их месте в системе управления Третьим рейхом. По мнению Ф. Нойманна и его коллег, представители бизнеса играли ключевую роль в нацистской государственной системе, и следовательно, должны рассматриваться как «экономические военные преступники» и после поражения нацизма должны предстать перед судом. Франкфуртская группа призывала союзников по антигитлеровской коалиции к проведению радикальной денацификации, декартелизации, демократизации и демилитаризации Германии после окончания войны. Г. Маркузе составил список, в который входили 1800 промышленников и банкиров, которые сыграли решающую роль в подъеме и поддержке нацизма. «Франкфуртцы» утверждали, что наказать руководителей промышленности и финансов гораздо важнее, чем найти тех стариков, ответственных за культуру «прусского милитаризма», которую, как заявили Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль, они стремились уничтожить.

После окончания войны Ф. Нойманн участвовал в подготовке обвинительных актов для Нюрнбергского процесса. Еще в 1942 году он издал свою диссертацию, защищенную в Колумбийском университете и посвященную исследованию национал-социализма («Бегемот: структура и практика национал-социализма»). В 1944 году вышла обновленная и расширенная версия книги [40]. По мнению автора, национал-социализм был неизбежным следствием развития монополистического капитализма. Ф. Нойманн объясняет большую часть неудач Веймарской республики противодействием немецкого монополистического капитала: «Чем больше росла мощь монополий, тем больше она становилась несовместимой с политической демократией. ...Тресты, комбинаты и картели покрыли всю экономику сетью авторитарных организаций. Организации работодателей контролировали рынок труда, а лобби крупного бизнеса стремилось поставить законодательные, административные и судебные механизмы на службу монополистическому капиталу. В Германии никогда не существовало ничего подобного популярному антимонопольному движению, имевшему место в Соединенных Штатах при Теодоре Рузвельте и Вудро Вильсоне» [40. Р. 14–15], – заключает автор.

Для понимания нацистского режима и роли в нем монополий Ф. Нойманн разрабатывает концепцию государства-«Бегемота», бросающую вызов традиционной теории государства Гоббса как «Левиафана». Если в теории Гоббса государство является единственным источником «права» на применение насилия, то в «Бегемоте», утверждает автор, отсутствуют основные элементы современного государства, в первую очередь это касается единого аппарата, контролирующего применение принуждения. Ф. Нойманн описал нацистский режим как состоящий из четырех правящих групп, управляющих Германией: нацистская партия, вермахт, государственная бюрократия и промышленные монополии. Этим четырем корыстным блокам власти не хватало системной согласованности

и верховенства закона, каждая группа стремилась расширить свою власть. Решения лидера – всего лишь результат компромисса между четырьмя правящими группами. В сильном гоббсовском государстве промышленные компании подчинены государству, следовательно, они не несут прямую ответственность за преступления, совершенные нацистским режимом. В концепции Ф. Нойманна промышленники были равными партнерами с другими группами, такими как нацистская партия и вермахт, в решении начать войну и в практике грабежа и порабощения народов оккупированных стран. В соответствии со схемой Ф. Нойманна бизнес должен был разделить ответственность наравне с другими правящими группами за преступления против человечества.

Ф. Нойманн рассматривал нацистскую экономическую систему как пример монополистического капитализма, который отвечал интересам крупных компаний и картелей. Нацизм сокрушил профсоюзные организации рабочего класса, обеспечил «полную занятость» и насаждал расистскую массовую идеологию, установив полный контроль над обществом. Таким образом, по мнению исследователя, нацисты подчинили трудящихся крупной буржуазии, получавшей огромные прибыли за счет милитаризации экономики.

Подготовка к процессу против промышленников шла в трудных условиях, правительство США преднамеренно осложняло ее, создавая различные проблемы. В знак протеста ушел в отставку американский обвинитель Абрахам Л. Померанц. Возвратившись в США, в интервью журналистам он сообщил следующее: «Я видел таких людей, как Геринг, Риббентроп, Штрейхер и Заукель, и знаю их преступления. Однако – что еще важнее – я видел более тихих, но более опасных нацистов – немецких промышленников. Это те самые нацистские промышленники, которые финансировали Гитлера и привели его к власти, давали ему деньги и оружие. Это они проводили агрессивную войну, или, точнее, массовое убийство, это они присвоили украденное у евреев имущество, это они использовали как рабов миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей, издевались над ними и посылали потом своих истощенных невольников в газовые камеры. Я видел документальные доказательства всего этого и сверх того – свидетельства еще не получивших огласки дел немецких промышленников... Немногие из них предаются суду и, возможно, будут осуждены. Остальные останутся безнаказанными» [13. Р. 166–167].

Администрация Президента США Г. Трумэна не хотела расширять список немецких промышленников, которые должны были предстать перед судом в Нюрнберге. Обвинения были выдвинуты только против концернов Флика, Круппа и «ИГ Фарбениндустри». О причинах такой позиции открыто написал судья Р.Х. Джексон: «Особый процесс специально над промышленниками создаст впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами и французскими левыми» [13. С. 163]. Во время судебных процессов в Нюрнберге американская прокуратура старалась избраться судебное разбирательство не как нападки на рыночную экономику, а, скорее, как попытку наказать конкретных лиц, совершивших преступления. Но, несмотря на все старания американских властей, было ясно, что установлена прочная связь между немецкой промышленностью и нацистским режимом, и в том числе между немецким бизнесом и преступлениями национал-социализма.

Будучи не согласным, с официальной позицией правительств США и Великобритании по отношению к представителям бизнеса, Ф. Нойманн подал в отставку. В 1948 г. он был назначен профессором политологии Колумбийского университета, в то время как многие промышленники, которых он помог идентифицировать как «экономических военных преступников», заняли ответственные должности в послевоенной экономике Германии.

Принятие антимонопольного законодательства в США и Великобритании. Проблема «нацизм и монополии» в работах Дж. Мартина

Государственные лидеры США и Великобритании еще до вступления в войну выражали озабоченность проблемами монополизации и картелизации экономики Германии, в которых они видели коренные причины установления нацистской диктатуры. В Потсдамском соглашении, подписанном в августе 1945 г., предусматривалось, что «в ближайшую возможную дату экономика Германии будет децентрализована с целью устранения нынешней чрезмерной концентрации экономической власти, примером которой являются, в частности, картели, синдикаты, тресты и другие монополистические соглашения». Управление военного правительства Соединенных Штатов Америки (OMGUS) разработало масштабный проект по декартелизации Германии. Тем не менее лишь разделение «ИГ Фарбениндустри» на 12 компаний стало одним из достижений программы. «Хотя проект был закрыт в 1949

году и не принес значительных результатов на немецкой земле, исследования и документация, выполненные командой Decartelization, способствовали усилению антимонопольного законодательства в Соединенных Штатах и Европе» [20. Р. 1321]. В 1948 г. парламент Великобритании принимает «Закон о монополиях и ограничительной практике». В США в 1950 г. по инициативе конгрессмена Эммануэля Целлера и сенатора Эстеса Кефора Конгресс США принял Акт Целлера–Кефопера, дополнивший закон Клейтона о запрете слияния фирм путем приобретения активов, результатом чего могло явиться ослабление конкуренции. Инициаторы Акта обосновывали необходимость его принятия, ссылаясь на недавние события в Германии, где был достигнут высокий уровень концентрации экономики и где «промышленные монополии ... привели Гитлера к власти»; то же самое, по их мнению, может произойти в Соединенных Штатах [20. Р. 1317].

Разработчики программы декартелизации в Западной Германии в оказали полезную услугу историкам, предоставив в их распоряжение важные источники информации о монополизации немецкой экономики и роли крупной буржуазии в подъеме и укреплении нацистского режима.

Большую ценность для исследования проблемы «нацизм и монополии» представляет книга Дж. Мартина «Братство бизнеса». Ее автор занимал пост начальника Отдела декартелизации Управления военного правительства США (действовавшего в Германии с 1945 по 1949 год), в задачу которого входил сбор документов о связях нацистов и крупных германских монополий, об их деятельности в годы Второй мировой войны и подготовка рекомендаций по выполнению решений Ялтинской и Потсдамской конференций. Дж. Мартин лично допрашивал Альфрида Круппа, фон Шницлера, фон Шредера и многих других. Эти беседы убедили автора, что утверждение о нацистах как полновластных хозяевах Германии было мифом. «...После того как мы ознакомились с архивами на вилле Хюгель и порасспросили Альфрида Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не осталось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забыть, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников. В первые годы существования «третьей империи» Гитлер не принимал ни одного важного решения, не заручившись заранее поддержкой Круппов и других промышленников Рура и Рейнской области», – пишет Дж. Мартин [8. С. 115]. Разумеется, всякий раз, когда фашисты приходили к власти, капиталисты в основном соглашались с ними как с наилучшим доступным несоциалистическим решением ... Даже гигантский химический комбинат IG Farben, чье восхождение в ранг крупнейшей компании в Европе было основано на мировой торговле [и тесное сотрудничество с американскими капиталистами], нашел способы адаптироваться к автаркии, обусловленной перевооружением...» [8. С. 98-99]. Однако то, что автор называет адаптацией, на деле представляло разработку плана установления «нового порядка» для химической промышленности всех стран мира. Целью этих планов являлось установление контроля над химической промышленностью европейских стран. Руководители IG Farben подготовили план перевооружения, который стал основой для нападения на Советский Союз. Фарбен построил и владел Моновицем, своего рода пристройкой к Освенциму. Фарбен поставлял газ «Циклон» в концлагеря. Компания была одним из основных эксплуататоров рабского труда, поставляемого СС, что давало огромные прибыли. Вот так акционеры и директора IG Farben «приспособились» к фашизму. Они горячо и с энтузиазмом поддерживали его, потому что это служило их интересам.

Таким образом, судебные процессы 1947–1948 годов над руководителями промышленных предприятий Третьего рейха, деятельность Отдела декартелизации Управления военного правительства США оказали сильное влияние на общественное мнение в США и Великобритании, укрепив представление об ответственности крупных монополий за приход нацистов к власти.

Холодная война и трактовки проблемы «нацизм и монополии»

Начавшаяся холодная война, в которой главным противником западных держав стал СССР, вновь сближает представителей прежней германской элиты с оккупационными властями западных держав. По мере того как рос страх перед советским коммунизмом, американские и западноевропейские лидеры стали беспокоиться о продолжающемся заключении в тюрьму немецких бизнесменов, влиятельных фигур, которые считались неотъемлемой частью создания сильной капиталистической экономики в Западной Германии. В январе 1951 г., во время войны в Корее, эти бизнесмены, все еще находящиеся в тюрьме, были освобождены на основании заявления о помиловании Верховного комиссара США по делам Германии Джона Дж. Макклоя, почти все их активы были возвращены им.

Международная напряженность и политическая идеология неизбежно повлияли на то, как ученые стали освещать взаимоотношения представителей ряда крупных монополистических объединений с нацистской партией. Конечно, делать вывод о повороте всей англо-американской историографии «вправо» не следует. Так можно сказать относительно части историков. Политические тенденции автоматически не переносятся на историческую науку. Подтверждением тому стали работы ряда исследователей, в которых немецкие бизнесмены представали во всем своем неприглядном виде.

В 1946 году вышла первая специальная работа, посвященная проблеме «фашизм и монополии», подготовленная профессором экономики университета Индиана Артуром Швейцером «Крупный бизнес и нацистская партия в Германии». В 1964 г. идеи, изложенные в статье, получили дальнейшее развитие в монографии А. Швейцера «Крупный бизнес и Третий рейх» [50].

Работа А. Швейцера основывалась на трофейных немецких документах, к которым он получил доступ. Методологической основой исследования стала теория бюрократии М. Вебера. Автор, проанализировав имеющиеся в его распоряжении документы, пришел к выводу, что союз нацистской партии и консервативных сил (представители индустрии, землевладельцы и верхушка армии), сложившийся в 1931 году, погубил веймарскую демократию и привел к власти нацистов. Ведущие бизнесмены признали диктатуру Гитлера как лучшее решение проблемы экономической и политической нестабильности, активно субсидировали избирательную кампанию НСДАП, вели закулисные переговоры о назначении Гитлера канцлером. По мнению А. Швейцера, немецкое общество состояло из нескольких групп власти: нацистская партия, высшие классы, средние классы, крупные землевладельцы, военные, мелкие ремесленники и т. д. Эти группы он изображает как автономные. Каждая «группа власти», по мнению исследователя, стремилась расширить сферы своего влияния за счет другой. Целью крупного бизнеса является прекращение вмешательства государства в экономику, усиление влияния на государственные органы и разгром рабочего движения. Рассматривая взаимоотношения между армией и крупным бизнесом, А. Швейцер говорит, что военные поддерживали интересы и политические требования крупного бизнеса [51. Р. 237]. Нацистская партия стремилась подчинить все стороны общественной жизни своему контролю. Стержнем работы А. Швейцера является вопрос: Кто кого контролировал? Политический режим в Германии с 1933 по 1937 год, по мнению автора, характеризуется как «частичный фашизм». В эти годы нацистская партия сумела установить контроль лишь в области политики, идеологии, юстиции, полиции и информации. В экономической и военной сферах партийная верхушка не завоевала власть. Она вынуждена была вступать в коалицию с другими группами власти – крупным бизнесом и армией. А. Швейцер положительно оценивает роль крупного бизнеса в эти годы, сумевшего будто бы в союзе с военными ограничить влияние нацистской партии и воспрепятствовать созданию «полного фашизма» [51. Р. 555]. Существование власти партии, с одной стороны, и крупного капитала и военных – с другой создало дуалистическую структуру государства, в котором эти группы были равноправными партнерами. Автор упрекает представителей крупного бизнеса в том, что с 1937 г. они не смогли сплотиться и «оказались близоруки по отношению к опасным намерениям партии». К.А. Швейцер критикует Я. Шахта, который, по его мнению, действовал больше как министр, чем как вождь крупного бизнеса. С принятием четырехлетнего плана возникла новая группа – «сотрудничающего бизнеса», в которую вошли «ИГ Фарбениндустри», концерн Круппа, которые надеялись получить больше прибыли от тесного сотрудничества с нацистской партией. Это привело к тому, что первая фаза фашизма, положительно оцененная К.А. Швейцером, подошла к концу. Дуалистическая модель распалась, а вместе с ней исчезла самостоятельность бизнеса. С 1937 г. наступает фаза «полного фашизма». Воспользовавшись нерешительностью и несамостоятельностью высших классов, НСДАП установила господство над военными и промышленными силами [51. Р. 537, 539]. Таким образом, в соответствии с концепцией К.А. Швейцера вся ответственность за подготовку к войне и ее развязывание ложилась только на руководство нацистской партии. Этот вывод соответствовал решениям Нюрнбергского трибунала, снявшего с промышленников обвинения в преступлениях против мира посредством участия в планировании и ведении агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, а также обвинение в участии в общем плане или заговоре с целью совершения преступлений против мира ввиду отсутствия доказательств.

Рассмотрению роли представителей крупной промышленности в приходе нацистов к власти посвящены работы Георга Хальгартена. В 1952 г. вышли его статья «Адольф Гитлер и немецкая тяжелая промышленность», а затем монография «Гитлер, рейхсвер и промышленники», опубликованная в 1955 году [26; 27]. Г. Хальгартен – немецкий историк, вынужденный эмигрировать в США по

сле прихода нацистов к власти, принявший гражданство США и читавший лекции в американских университетах в качестве внештатного профессора. На основе широкой документальной базы он показывает, что нацистская партия получила существенную помощь со стороны монополистов, которые давно строили планы уничтожения Веймарской республики и видели в Гитлере союзника в борьбе против рабочего движения. Основная помощь НСДАП, как утверждает автор, стала поступать в кассу НСДАП после 1929 г., а Ф. Тиссен и Э. Кирдорф, поддерживавшие партию еще до 1929 г., были исключением. Г. Хальгартен показывает, что нацисты были на грани финансового краха на протяжении всего Веймарского периода. Только благодаря щедрым пожертвованиям сочувствующих промышленников и бизнесменов они были спасены от финансовых бедствий и политических неудач. По мнению Г. Хальгартена, значимость финансового вклада крупной индустрии в пользу нацистов в критические годы его восхождения заключается в гораздо большем, чем непосредственное наполнение казны партии: «Хотя Гитлеру сильно помогали фонды промышленников, нельзя сказать, что они «создали» его движение. Движение такого огромного размера, контролировавшее в 1932 году 230 мест в Рейхстаге, не было создано каким-либо человеком или группой. Возможно, правильное было бы сказать, что тяжелая промышленность, в силу самого своего существования и социальной природы, вызвала движение или по крайней мере способствовала его возникновению и, когда оно родилось, пыталась использовать ее в промышленных целях. Механизация и экономическая концентрация, поддержание монопольных цен и монопольных соглашений, в результате чего осуществлялось давление на мелких конкурентов, стали благодатной почвой, на которой вырос массовый фашизм» [26. Р. 246]. Работы Дж. Хальгартена были встречены весьма неодобрительно в ФРГ [5. С. 48].

Оправившись от шока, вызванного судебными процессами над представителями крупного бизнеса в Нюрнберге, и в первую очередь против Альфрида Круппа, обвиненного в преступлениях против человечности, деловое сообщество Западной Германии стало согласованно делать заявления о том, что бизнесмены были жертвами тоталитарного режима. Для исправления своего негативного имиджа промышленные компании стали нанимать журналистов и историков в ФРГ и США для написания сочувственных корпоративных историй, которые призваны были освободить компании от обвинений в причастности к преступной деятельности нацистского режима. Было ясно, что большой бизнес не признал своего скомпрометированного прошлого [62. Р. 35, 50, 156]. В результате появляется несколько новых версий реабилитации крупного бизнеса.

Одной из заказных работ, оплаченных Ассоциацией черной металлургии ФРГ, была книга известного американского журналиста Луиса Лохнера «Магнаты и тиран: немецкая промышленность от Гитлера до Аденауэра». Л. Лохнер в течение четырнадцати лет был руководителем берлинского бюро Associated Press. Период его работы в Германии пришелся на последние годы Веймарской республики и Третьего рейха до 1941 г., когда США объявили войну Германии, и Л. Лохнер был интернирован в США. Пред автором стояла трудная задача создать версию, которая бы, не искажая реальные факты, придавала им более удобную интерпретацию, «представила промышленников как воплощение основных западных ценностей, которым угрожали нацизм, война и государственное вмешательство в экономику» [62. Р. 232]. Л. Лохнер считал, что обвинить немецких промышленников можно лишь в бездействии в тот момент, когда нацисты рвались к власти, но активными партнерами Гитлера они никогда не были. Согласно его концепции, политические взгляды нацистов и представителей крупной промышленности были в чем-то похожи, поэтому до 1933 года НСДАП получала финансовую поддержку от промышленников, но эти жертвования были незначительны по сравнению с суммами, выделенными другим политическим партиям [32].

О политической близорукости бизнесменов пишет профессор Принстонского университета Луис Снайдер в книге «Гитлер и нацизм». Автор утверждает: «Юнкеры и монополисты верили, что они будут контролировать этого странного лидера, который поможет им держать массы в повиновении, но они очень мало знали об истинной натуре человека, которого они решили поддержать. Они схватили за хвост дракона» [54. Р. 41].

Профессор Индианского университета Ли Беннс признает ответственность нескольких групп рейнских монополистов, в частности Г. Стиннеса и Ф. Тиссена, оказывавших помощь нацистам в приходе к власти, отрицая при этом дальнейшее сотрудничество монополий с нацистским режимом [15. Р. 256].

Несмотря на то что проблема «фашизм и монополии» стала частично замалчиваться или представляться в более респектабельном виде, в США и Великобритании продолжали выходить исследо-

вания, авторы которых давали более объективную картину взаимоотношений крупного бизнеса и нацистов. В 1952 г. известный оксфордский историк Алан Буллок опубликовал первую, основанную на широкой документальной базе, биографию Гитлера «Гитлер: исследование тирании». Эта книга на протяжении многих лет доминировала в биографическом жанре о Гитлере. А. Булок представляет довольно большой список промышленников и банкиров, которые оказывали финансовую помощь Гитлеру. Он подчеркивает, что основная поддержка нацистов исходила от мощной группы производителей угля и стали в Рейнской области и Вестфалии. А. Буллок описывает встречу Гитлера с бизнесменами в Промышленном клубе в Дюссельдорфе 27 января 1932 г. как весьма успешную, цитируя дневник Геббельса: «Денежные дела улучшаются с каждым днем. Финансирование избирательной кампании практически гарантировано». Как справедливо отмечает А. Буллок, кроме финансовой помощи промышленники и банкиры оказали Гитлеру также большую политическую помощь, отправив в ноябре 1932 года совместное письмо к Гинденбургу с призывом предоставить Гитлеру полномочия по формированию президентского кабинета. Среди тех, кто принимал активное участие в сборе подписей, был доктор Я. Шахт, а среди подписавших было много лидеров промышленности Западной Германии [18. Р. 244]. А. Булок отмечает, что в это время еще не все представители немецкой промышленности были готовы поддержать нацистов. Чтобы несколько смягчить ответственность крупных промышленников, историк указывает, что большую часть финансовых средств они по-прежнему направляли Немецкой национальной народной партии, Немецкой демократической партии и Немецкой народной партии.

По мнению А. Буллока, несмотря на оказанную поддержку, Гитлер не стал ни политической марионеткой, ни агентом крупного бизнеса. Напротив, те, кто привел его к власти, сами вскоре потеряли независимость. Версия о том, что крупный бизнес помогал нацистам прийти к власти, но недооценил Гитлера, который вышел из повиновения, была в послевоенный период довольно широко представлена в работах консервативных историков ФРГ [9. С. 84].

В более позднем сравнительном исследовании «Гитлер и Сталин: параллельные жизни» [17. С. 192] А. Булок уже иначе описывает попытки Гитлера добиться поддержки деловых кругов: «Он смутил умы и добился определенного успеха у мелких предпринимателей и средних управленцев, но не у крупных бизнесменов ни в Руре, ни в других областях. Единственное исключение составил восьмидесятилетний Эмиль Кирдорф, «одиноким волк», известный некогда как «Бисмарк угольной промышленности», на которого Гитлер произвел столь сильное впечатление, что он передал ему в дар 100 000 марок и попробовал расположить промышленные круги в его пользу. Но через год с небольшим, в августе 1928 г., он вышел из партии, преисполнившись отвращения к выступлениям нацистов против угольного картеля, в создании которого он сыграл в свое время ведущую роль» [17. С. 192–193]. А. Булок также не упоминает о встречах Гитлера с представителями крупного бизнеса 20 февраля 1933 г.

В 1960 г. была опубликована книга известного американского журналиста и историка Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» [12]. Книга основана на широкой документальной базе: материалы Нюрнбергского процесса, документы государственных учреждений, дневники министра пропаганды Геббельса, дневник генерала Гальдера, отчеты Министерства иностранных дел Великобритании, собственные воспоминания автора, который шесть лет работал в Германии (с 1934 по 1940 гг.) в качестве журналиста, и многие другие материалы. Книга У. Ширера по сей день является самой популярной и читаемой в разных странах мира, но в Западной Германии реакция историков, прессы и даже канцлера К. Аденауэра была крайне негативной. У. Ширера обвиняли в разжигании антигерманских настроений и даже в намерениях вызвать ухудшение отношений между США и ФРГ. Действительно, для Западной Германии книга была очень нехорошей. В стране возрождались неонацизм, антисемитизм, в 1961 в Израиле начался судебный процесс над нацистским военным преступником А. Эйхманом. Все эти события негативно влияли на имидж ФРГ.

В США реакция была иной. В 1961 г. книга «Взлет и падение Третьего рейха» была удостоена Национальной книжной премии за документальную литературу и Премии Кэрри–Томаса за научно-популярную литературу. Такая высокая оценка была обусловлена не только литературным талантом автора, серьезной документальной базой его исследования, но и тем, что У. Ширер на страницах своей книги представил коллективную память американцев о нацистской Германии и ее преступлениях [48]. У. Ширер не считает, что Гитлер пришел к власти только потому, что ему оказывали помощь представители крупного капитала: «Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объ-

единились для борьбы с ним. Даже в июне 1932 года, находясь на гребне популярности, национал-социалисты собрали только 37 процентов голосов. Остальные 63 процента немцев, придерживавшихся антигитлеровской ориентации, были слишком разрозненны, слишком недалеконравны, чтобы сообща действовать против общей опасности, которая в противном случае – а они не могли этого не предвидеть – сокрушит их» [12. С. 221]. У. Ширер приводит немало доказательств поддержки нацистской партии крупными баварскими и рейнскими промышленниками, которых устраивала ее антимарксистская и антипрофсоюзная направленность. Особенно на завершающей стадии борьбы Гитлера за власть его щедро финансировал достаточно широкий круг представителей германского делового мира. Сколько денег предоставили нацистской партии банкиры и промышленники за период 1930–1933 годов – до конца не выяснено [12. С. 178]. «Нередко деньги вручались непосредственно Гитлеру», – пишет У. Ширер [12. С. 166]. С 1930 года после сенсационного успеха на выборах в Рейхстаг, когда нацисты получили 107 мандатов и стали второй партией в парламенте, представители деловых кругов вполне допускали, что Гитлер может захватить контроль над Германией. У. Ширер приводит показания Вальтера Франка на Нюрнбергском процессе, который в то время был редактором немецкой финансовой газеты «Берлинер бёрзенцайтунг» и посредником между партией и рядом крупных предпринимателей: «Мои друзья промышленники и я были убеждены, что приход нацистской партии к власти – дело не столь отдаленного будущего» [12. С. 175]. В. Функ предоставил список представителей крупного бизнеса, которые помогли Гитлеру в 1930–1931 годах. В него вошли: Ф. Тиссен (глава стального треста), Э. Кирдорф («угольный барон»), Георг фон Шницлер (ИГ Фарбен), А. Феглер («Объединенные сталелитейные заводы»), А. Ростерг и А. Диен (компания по производству углекислого калия), В. Куно (пароходная компания «Гамбург-Америка») Конти (резиновый магнат), О. Вольф (крупный промышленник из Кёльна), К. фон Шрёдер (банкир из Кёльна), несколько банков, в том числе «Дойче банк», «Коммерц унд приват банк», «Дрезденер банк», «Дойче кредит гезельшафт», крупнейшая страховая компания «Аллианц». «Список получился длинный, – пишет У. Ширер, – хотя далеко не полный, ибо к тому времени, когда Функа доставили на Нюрнбергский процесс, его стала подводить память» [12. С. 177]. Оказывали помощь Гитлеру и промышленники, входившие в «Кружок друзей экономики», подчиненный шефу СС Гиммлеру. «Кружок, – заявляет У. Ширер, – передал этому гангстеру миллионы марок на исследования в области происхождения арийской расы» [12. С. 177]. Автор, отмечает, что не все германские монополисты после успеха нацистов на выборах в 1930 году поспешили в лагерь Гитлера. «Функ показал, что крупные электротехнические корпорации “Сименс” и “А.Т.Г.” оставались в стороне, как и король оружия, глава корпорации “Крупп фон Болен унд Гальбах” ... однако вскоре понял, что к чему, и быстро превратился, выражаясь словами Тиссена, в “супернациста”» [12. С. 177].

«Супернацисту» Круппу фон Болену и его сыну Альфриду была посвящена вышедшая в 1968 г. книга Уильяма Манчестера «Оружие Круппа» [34]. Автор подробно изложил историю династии Круппов, бывшей основным поставщиком вооружения для германской армии в годы Первой и Второй мировых войн. Выбор темы исследования был неслучайным для У. Манчестера. В годы Второй мировой войны в рядах американской армии с оружием в руках он боролся с фашизмом. Его осуждающие разоблачения в сочетании с великолепным литературным стилем производит сильное впечатление на читателя. Главное внимание У. Манчестер уделил деятельности «пушечных королей» в период Третьего рейха. Автор показывает, что поддержка нацистской партии Густавом Круппом началась уже после прихода нацистов к власти. 20 февраля 1933 года состоялась встреча Гитлера с двадцатью пятью самыми богатыми людьми страны с целью получить от них финансовую помощь для проведения избирательной кампании по выборам в Рейхстаг, назначенным на 5 марта. После того как Гитлер произнес свою речь, старый Крупп «встал и выразил Гитлеру единодушную поддержку всех промышленников», пишет У. Манчестер. Более того он подал пример коллегам, обещав от себя лично передать Гитлеру миллион марок [34. С. 353]. «Порядок в стране сменился “новым порядком”, – констатирует автор, – Густав принял “новый порядок” целиком и полностью, отказываясь выслушивать хотя бы слово против этого» [34. С. 358].

Книга У. Манчестера – это обвинение фирмы «Крупп» в ограблении оккупированных территорий, использовании заключенных концлагерей в качестве рабов на своих предприятиях. Это обвинение в зверствах, включая избиения и пытки в подвале штаб-квартиры компании и «истребление работой», которым подверглись десятки тысяч заключенных, прежде всего евреи и славяне, которых именовали «скотом». У. Манчестер пишет, что использование Альфридом Круппом евреев из концлагерей и других рабов было не просто бизнес-решением. Предприниматель А. Крупп искренне верил в нацистскую

расовую доктрину. У. Манчестер показал, что А. Крупп был близким соратником Гитлера, помогал фюреру разрабатывать и осуществлять военные планы и совершать военные преступления.

Автор перефразировал одного из обвинителей Альфрида Круппа на Нюрнбургском процессе и некоторые строки из шекспировского «Ричарда III», который славился своей лживостью: если бы вы сказали, что Крупп не виновен, было бы так же верно сказать, что не было ни завода по производству взрывателей в Освенциме, ни концентрационного лагеря, ни отравленных газом Ротшильдов, ни подвальной камеры пыток, ни детских трупов, ни убитых, ни преступлений, ни войны.

Публикация исследования У. Манчестера вызвала раздражение в деловом мире Германии, и после 1968 г. фирмы стали очень неохотно допускать ученых в свои архивы для исследования нацистского прошлого. Насколько компания Круппа «охотно» сотрудничала с У. Манчестером до публикации его книги, свидетельствует рассказ автора, как представители компании и жители Эссена – места расположения штаб-квартиры концерна «Крупп» – внимательно следили за ним, пока он проводил свои исследования. Однажды историк застал сотрудника фирмы, роющегося в его документах в гостиничном номере [33].

Английский историк Алистер Хорн пожаловался в *New York Times* на то, что книга испорчена манчестерским «инстинктивным антигерманизмом», а также его «несдержанностью и предубеждениями». Без сомнения, У. Манчестер несдержан, но это естественная реакция честного исследователя на войну, рабство и Холокост. Именно поэтому спустя почти полвека после публикации «Оружие Круппа» переиздается и продолжает хорошо продаваться, и сотни отзывов клиентов на таких сайтах, как *goodreads.com* и *amazon.com*, дают ему в среднем 4–4,5 из пяти звезд.

Особое место в историографии нацизма занимает исследование английского историка Ричарда Грюнбергера «Двенадцатилетний рейх: социальная история нацистской Германии, 1933–1945 гг.», ставшее обязательным для подготовки историков в вузах Великобритании. Один из выводов автора гласит: «нельзя отрицать роль крупной промышленности как главного могильщика Веймарской республики» [25. Р. 167]. Анализируя экономическую политику нацистов, Р. Грюнбергер приходит к заключению, что крупные фирмы в конечном итоге стали победителями в трехсторонней структуре Третьего рейха – «большой бизнес, средний бизнес и государство».

Профессор университета в Шеффилде Уильям Карр не случайно избрал для своей специализации новейшую историю Германии. Он ушел добровольцем на фронт и служил в королевской артиллерии. Его перу принадлежат несколько монографий, посвященных внешней политике Германии. В одной из своих работ он констатирует, что военные заказы гарантировали индустрии «высокие прибыли», что «тесно связанные с вооружением вермахта» концерны Маннесмана, «Герман Геринг», ИГ-Фарбениндустри, ведущие банки, особенно Дрезденский и Немецкий, «развивали свои собственные экспансионистские планы». На рубеже 1920–30-х годов «значительная часть крупной буржуазии обратилась к идее создания экономической монополии в Центральной и Юго-Восточной Европе». У. Карр вводит понятие «экономический империализм» концернов и банков, который, по его мнению, сам по себе не привел бы к войне и «лишь в союзе с империализмом нацистов представлял собой особо взрывоопасную силу» [38. S. 144].

Вплоть до середины 1960-х годов большая часть английских и американских исследователей более или менее последовательно констатировала причастность промышленных кругов к приходу нацистов к власти, стремившихся покончить с демократией, организованным рабочим движением, угрозой со стороны левых партий. Историки подчеркивали, что в условиях резкого снижения прибыли из-за слабого внутреннего спроса и усилившейся международной конкуренции, германские монополии видели единственный выход из создавшегося положения в подталкивании своего правительства к войне за расширение рынков сбыта и источников сырья. Сложившийся консенсус оспорил профессор Йельского университета Генри А. Тёрнер. Выводы, к которым он пришел, оказывают огромное влияние на изучение проблемы «нацизм и монополии» уже на протяжении пяти десятилетий. На его работах следует остановиться подробнее.

Отрицание сотрудничества крупного бизнеса и НСДАП до прихода нацистов к власти в трудах американского историка Г.А.Тёрнера

В 1968 г. вышла статья Генри Ашби Тёрнера «Эмиль Кирдорф и нацистская партия» [57]. В качестве иллюстрации несостоятельности версии о связях между нацистами и монополиями автор не случайно выбрал Эмиля Кирдорфа, представленного в исторических исследованиях в качестве одного из первых и преданных сторонников Гитлера и национал-социализма. Еще до Первой мировой

войны Э. Кирдорф присоединился к Пангерманской лиге, будучи яростным апологетом территориального расширения Германии. Э. Кирдорф искренне поддерживал легенду о «кинжальном ударе» в спину немецкой армии, и для него Веймарская республика была всего лишь порождением предательства в ноябре 1918 года. Он называл республику «властью черни», а Версальский договор – «политической смертью» Германии. В 1926 году он познакомился с Гитлером, а в 1927 году по просьбе Эльзы Брукман – вдовы крупного мюнхенского издателя, Э. Кирдорф встретился с Гитлером и имел с ним продолжительную беседу. Вскоре Э. Кирдорф присоединилась к нацистской партии. Он намеревался привлечь на сторону нацистов своих товарищей-промышленников. В качестве первого шага он попросил Гитлера письменно изложить свою программу. Так появилась секретная брошюра «Путь возрождения», предназначенная для промышленников [59]. Эта брошюра была обнаружена Г.А. Тёрнером в архиве и опубликована в 1968 году.

Г.А. Тёрнер сообщает, что 26 октября 1927 года Э. Кирдорф собрал у себя дома четырнадцать лидеров немецкой промышленности для встречи с Гитлером, которая прошла успешно. В прессе Третьего рейха Э. Кирдорф неоднократно изображался как бывший последователь О. фон Бисмарка, который стал одним из первых и преданных сторонников фюрера и его движения. Э. Кирдорфу был вручен золотой партийный значок, его приглашали на съезды НСДАП и т. д. В 1938 году Гитлер лично присутствовал на его похоронах.

Однако, по мнению Г. Тёрнера, версия о том, что Э. Кирдорф был важным финансистом нацистской партии, глубоко ошибочна. Рурский промышленник имел лишь символическое значение для укрепления имиджа НСДАП как уважаемой партии. Исследователь подвергает сомнению данные, приведенные в книге «Бегство от террора», написанной Отто Штрассером (совместно с американским журналистом Майклом Штерном) после его ссоры с Гитлером и бегства из Германии [55]. О. Штрассер называет сумму, получаемую НСДАП от Э. Кирдорфа, – 60 миллионов марок в год. Г. Тёрнер, заявляет, что верить этим данным нельзя, так как документальные доказательства отсутствуют. Аргумент, представленный самим Г.А. Тёрнером в опровержение версии О. Штрассера, звучит еще менее убедительно: «Судя по имеющимся данным, маловероятно, что выплаты с его стороны были чрезмерно щедрыми [57. Р. 340]. К сожалению, Г.А. Тёрнер эти «имеющиеся данные» не приводит. Весьма неубедительным является заявление автора о том, что в 1927 г. Э. Кирдорф уже не занимал влиятельных позиций в деловом мире. «Практически все его современники давно умерли, и решающие командные посты в промышленности заняли люди более молодого поколения. В советы этих молодых людей Э. Кирдорф не входил. Он не играл активной роли в Имперском союзе германской промышленности [57. Р. 343]. «Более того, как заведомо самоуверенный и вспыльчивый старик, уже не имеющий отношения к последним событиям, Э. Кирдорф не воспринимался серьезно многими молодыми людьми, которые теперь контролировали немецкую промышленность» [57. Р. 343–344]. Если верить утверждению Г.А. Тёрнера, что Э. Кирдорф уже утратил былое влияние, то возникает вопрос: почему Гитлер постоянно афишировал свои отношения с ним? чтобы произвести впечатление на потенциальных сторонников из делового сообщества? По мнению Г.А.Тёрнера, роль Э. Кирдорфа в восхождении Гитлера к власти не следует сводить к его особой роли как промышленника. Более важным было то, что он был одним из известных и престижных персон, которые помогли будущему диктатору стать популярным в глазах миллионов немцев во время его восхождения к власти. Если такой почтенный бизнесмен поддержал выскочку из Австрии, несомненно, это оказало влияние на многих солидных и уважаемых немецких избирателей из среднего класса. Именно так, а не как зловещий «монополист-капиталист», тайком наполнявший нацистскую казну богатствами, добытыми нечестным путем, Э. Кирдорф внес свой вклад в восхождение Гитлера к власти, заключает Г.А. Тёрнер.

Дело Дэвида Абрахама

В начале 1980-х гг. внимание десятков профессиональных историков и Американской исторической ассоциации было привлечено к так называемому делу Дэвида Абрахама. Молодой историк Д. Абрахам защитил в 1977 г. в Чикагском университете диссертацию и опубликовал на ее основе в 1981 г. книгу «Крах Веймарской республики: политическая экономия и кризис» [14].

Рекомендацию к публикации монографии Д. Абрахама дал известный в научном мире профессор Калифорнийского университета Джеральд Фельдман. Главный тезис, отстаиваемый Д. Абрахамом, был весьма близок к марксистским оценкам: крупный бизнес в Германии саботировал Веймар-

скую республику, поддерживал нацистов, считая, что они лучше всего представляют их экономические интересы, особенно перед лицом растущей угрозы со стороны Левых сил.

Инициатором атаки на труд Д. Абрахама стал Г.А.Тёрнер. Он работал над аналогичной темой, и в 1985 г. опубликовал монографию «Крупный бизнес Германии и возвышение Гитлера» [58]. В октябре 1982 г. он опубликовал рецензию, в которой обвинил Д. Абрахама в увлечении догматическими марксистскими теориями фашизма [60]. Г.А. Тёрнера поддержал Дж. Фельдман, ранее давший положительную рецензию на книгу Д. Абрахама. Г.А. Тёрнер обратился с письмами к коллегам в США и Европе, в «Американское историческое обозрение», в которых он обвинял Д. Абрахама в преднамеренном искажении фактов. Письмо Г.А. Тёрнера вместе с ответом на него Д. Абрахама было опубликовано в «Американском историческом обозрении» в октябрьском номере 1983 г. [61]. Д. Абрахам признал ряд ошибок, некоторую небрежность в оформлении сносок, объяснив это нехваткой времени при подготовке книги, но категорически отверг обвинение в преднамеренном искажении фактов. В защиту Д. Абрахама выступили известные американские историки Арно Дж. Майер, Карл Шорске, Томас Бендер, Натали Земон Дэвис и Хана Грей, направив в Американскую историческую ассоциацию требование рассмотреть вопрос о нарушении Г.А. Тёрнером этических норм. Они призвали Г.А. Тёрнера критиковать Д. Абрахама за небрежность, но не обвинять в преднамеренной лжи. Некоторые историки даже открыто высказывали предположение, что Г.А. Тёрнер обрушился на работу Д. Абрахама, чтобы привлечь интерес к собственной будущей книге с противоположным тезисом. В начале января 1985 г. комитет по профессиональным вопросам Американской исторической ассоциации отказался вмешиваться в возникший конфликт, заявив, что освященная веками в академической системе открытая профессиональная критика, обмена мнениями должен иметь место.

Споры по поводу исследования Д. Абрахама привели к тому, что молодой ученый был уволен из Чикагского университета и получил отказ в приеме на работу в других университетах США.

Дело Абрахама и книга Г.А. Тёрнера вызвали острую дискуссию среди историков по вопросу о соотношении эмпирических доказательств и умении историка логически мыслить, сопоставлять события и устанавливать причинно-следственные связи в случае отсутствия письменных источников.

В 1985 г. вышла монография Г.А. Тёрнера «Крупный бизнес Германии и возвышение Гитлера», в которой он выступил принципиальным защитником крупного бизнеса [58]. Как заявил автор, он поставил задачу не только дать реальную картину прошлого, но и покончить с мифами о нем. Одним из таких мифов Г.А. Тёрнер объявил наличие связи между нацистской партией и крупным бизнесом и получение от него экономической поддержки задолго до 1933 года. Чтобы развенчать представление о немецком крупном бизнесе как о пособнике в приходе Гитлера к власти, Г.А. Тёрнер ставит под сомнение источники, содержащие подобные сведения: – это мемуары рурского промышленника Фрица Тиссена и пресс-секретаря Гитлера Отто Дитриха. В своих мемуарах «Я платил Гитлеру» Ф. Тиссен свидетельствует, что ненависть к Веймарской республике привела его к поддержке НСДАП и передаче ей еще осенью 1923 года 100 000 золотых марок. Однако, по мнению Г.А. Тёрнера, доверять мемуарам Ф. Тиссена, которые он называет «призраком», не следует, так как написаны они были с его слов. Кроме того, учитывая катастрофическую ситуацию в сфере экономики, сложившуюся в Германии в 1923 году в результате оккупации Рурской области французскими войсками, вряд ли Ф. Тиссен мог выделить сумму в 100 000 золотых марок.

Мемуары Отто Дитриха, изданные в 1934 году, Г.А. Тёрнер оценивает скорее как пропагандистские, чем содержательные. Об их несостоятельности, по мнению автора, свидетельствует наличие разных версий одних и тех же событий в первом издании и во втором, опубликованном в 1955 г. Если сравнить два отчета О. Дитриха о реакции на речь Гитлера в Дюссельдорфском промышленном клубе 26 января 1932 г., в издании 1934 г. он сообщает о глубоком впечатлении, произведенном Гитлером на экономическую элиту. По словам Тёрнера, этот комментарий был воспринят историками как доказательство того, что крупный бизнес увеличил свои взносы в кассу НСДАП. Однако в 1955 г. О. Дитрих сообщает, что, помимо некоторых «незначительных сумм [собранных у двери]...», ни о какой поддержке, достойной упоминания, и уж тем более о финансировании политической борьбы НСДАП тяжелой промышленностью не могло быть и речи». Что делать с этим противоречием? Какая версия ближе к истине? Г.А. Тёрнер сравнивает оба варианта и принимает решение в пользу версии 1955 г. По всем признакам, заключает он, ни Гитлер, ни другие нацисты не получили никаких ответных действий со стороны тех, кто присутствовал на его выступлении в промышленном клубе. Для подтверждения своего мнения, Г.А. Тёрнер пишет, что О. Дитрих, как пресс-секретарь Гитлера, стремился

создать более привлекательный образ фюрера и НСДАП, поэтому его мемуары, изданные в 1934 г., являются предвзятыми, приукрашенными. Г.А. Тёрнер не называет мотивы, которыми руководствовался О. Дитрих, переиздавая свои мемуары. Возникает вопрос, почему Г.А.Тёрнер верит в точность мемуаров О. Дитриха 1955 г., а не 1934 г. Возможно, здесь одна причина: просто мемуары 1955 г. подтверждают концепцию Г.А. Тёрнера.

По версии Г.А. Тёрнера, Гитлер, выступая в Дюссельдорфе, стремился просто нейтрализовать крупный бизнес, а не привлечь его финансовые ресурсы для нужд партии. Обращаясь к характеристике крупного бизнеса, автор сообщает, что в Веймарской республике крупный бизнес представлял слабо организованную, политически неэффективную группу интересов, которая держалась главным образом на стремлении противодействовать росту социальных расходов, то есть созданию современного государства всеобщего благосостояния. Крупный бизнес делал ставку не на нацистов, утверждает Г.А. Тёрнер, а на правые буржуазные партии, такие как Немецкая народная партия, Немецкая демократическая партия, Немецкая национальная народная партия. Что касается НСДАП, то крупный бизнес отпугивала программа «25 пунктов», имевшая антикапиталистическую направленность. Г.А. Тёрнер допускает, что отдельные представители крупного бизнеса, такие как Фриц Тиссен, Эрнст фон Борзинг и Эмиль Кирдорф, помогали нацистам, но они никогда не были главным финансовым источником партии. Большая часть финансовых средств НСДАП, по утверждению Г.А. Тёрнера, поступала в виде членских взносов, добровольных пожертвований на многочисленных массовых митингах и от продажи «Майн Кампф». Таким образом, НСДАП была прототипом «низовой» политической организации, способной расширять свои ряды и одерживать победы в период, когда большинство буржуазных партий понесли серьезные финансовые потери. Единственная избирательная кампания, на проведение которой крупный бизнес пожертвовал нацистам значительные суммы денег, состоялась 5 марта 1933 г., когда Гитлер уже был назначен канцлером. По мнению Г.А. Тёрнера, Третий рейх был возможным, но не был неизбежным. Жизнеспособной альтернативой Третьему рейху, по его мнению, была военная диктатура. В книге «Тридцать дней к власти: январь 1933 года», вышедшей в 1996 г., историк утверждал, что политическая некомпетентность и личное соперничество между Ф. Папеном и К. Шлейхером в конечном итоге привели к тому, что 30 января 1933 г. П. Гинденбург назначил канцлером Германии Гитлера. Г.А. Тёрнер считает, что НСДАП находилась на грани краха вплоть до роковой встречи Гитлера с Папеном 4 января 1933 г. в доме банкира Шрёдера, изменившей ход событий. Но даже в этот момент еще оставалась возможность избежать назначения Гитлера на пост канцлера, если бы Курт фон Шлейхер и его коллеги из Министерства обороны нашли бы в себе решимость действовать.

В конечном итоге, утверждает Г.А. Тёрнер, окончательная ответственность за назначение Гитлера на пост канцлера лежит на небольшом круге людей, чьи действия или, в случае К. фон Шлейхера, бездействие помогли Гитлеру из безвестности подняться до руководителя самой могущественной нации на европейском континенте [56].

Монография Г.А. Тёрнера получила высокую оценку многих исследователей. «... Тёрнер дает нам новый взгляд на истоки восхождения Гитлера к власти, представляя критическую оценку роли немецкого крупного бизнеса, основанную на изучении всех соответствующих документов, а не на довольно эклектичных обзорах, которые в настоящее время представлены публике. Мы надеемся, что это будет способствовать более внимательному изучению исторических документов, касающихся важнейших аспектов современной истории, а также более критическому отношению к сенсационным искажениям истины, с которыми мы сталкиваемся ежедневно», – писал историк Джон Райс [45].

Известный специалист по истории французского фашизма профессор Колумбийского университета Роберт Пакстон также дал высокую оценку трудам Г.А. Тёрнера как весьма обоснованным. Он разделяет утверждение Г.А. Тёрнера о том, что бизнесмены внесли огромный вклад в поддержку нацистов, когда они уже пришли к власти, и начали приспособливаться к режиму, который щедро вознаграждал многих из них контрактами на поставку вооружений, сломав хребет организованной рабочей силе в Германии [43. Р. 100].

О монополистах будто бы далеких от политики сообщает профессор Лондонской школы экономики и политических наук Алан Милвард. Он утверждает: кроме СССР, во всех странах – участницах войны широко привлекались к управлению хозяйством предприниматели, но сугубо в специальных целях [36].

Со второй половины 1970-х гг. все чаще в трудах английских и американских историков стало отрицаться мнение о промышленных монополиях как важном факторе прихода Гитлера к власти. Приход нацистов к власти объяснялся многими социальными и политическими факторами, но не поддержкой крупного бизнеса. Появилась версия, что нацисты и Гитлер могли шантажировать и запугивать представителей крупного бизнеса, заставляя их оказывать финансовую поддержку партии, угрожая раскрыть многие из их политических секретов [44].

Частичная реабилитация крупных промышленных монополий не случайно началась с середины 1970-х гг. Период энтузиазма против слияния компаний утих в середине 1970-х годов. Усилилось влияние Чикагской школы экономического анализа, которая критиковала послевоенное антимонопольное законодательство, по крайней мере сумела победить Верховный суд США к концу 1970-х годов. Девальвация либерализма и левого радикализма привела к относительному усилению влияния консервативных политических и социально-философских идей и концепций.

В годы холодной войны широкое распространение получила доктрина тоталитаризма, ее адепты доказывали сходство между фашистским режимом и режимом в СССР, отрицая ответственность крупной буржуазии Германии за крах Веймарской республики, представляя ее жертвой нацистского режима, уничтожившего свободу предпринимательства и поставившего немецкие концерны под жесткий государственный контроль. Пройдет 30 лет после окончания холодной войны, и многие исследователи, по сути, будут повторять то же самое. Так, специалист по экономической истории профессор Европейского университета Юсуф Кассис, анализируя проблему «фашизм и монополии», заявляет: «В Третьем Рейхе был установлен тоталитарный режим, и у него были собственные цели, независимые от крупного бизнеса, а иногда и антагонистические по отношению к нему, для реализации которых он мог прибегнуть к насилию; страх перед концентрационными лагерями распространялся на лидеров бизнеса. Положение крупного бизнеса в Третьем рейхе было двусмысленным. Бизнес-лидеры не сыграли важную роль в приходе Гитлера к власти, предпочитая более традиционную форму авторитарного режима, представленного буржуазными партиями. Тем не менее они были в числе основных бенефициаров режима, особенно благодаря восстановлению общественного порядка и экономическому возрождению, вызванному перевооружением» [19. Р. 221].

Новые подходы к изучению проблемы «нацизм и монополии»

Ситуация стала меняться с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Распад СССР, демократические революции в Восточной Европе привели к ликвидации монополярной власти компартий. Процессы демократизации коснулись и архивов, началось рассекречивание многих документов. Западные историки получили доступ к архивам в Потсдаме и Москве. Открыли свои архивы и многие немецкие компании, в том числе сотрудничавшие с нацистским режимом, опасаясь, что историки найдут компрометирующие их материалы в государственных архивах. В распоряжении исследователей появился огромный массив документов, свидетельствующих об участии крупных монополий в ограблении оккупированных территорий, использовании рабского труда заключенных концлагерей, Холокосте. В свете новых документов вновь встал вопрос о том, почему, будучи противниками нацизма, представители бизнеса так быстро одобрили назначение Гитлера на пост канцлера, позволили ему укрепиться у власти и, более того, активно сотрудничали с нацистским режимом.

Американский историк Кристофер Кобрак, не оспаривая утверждение Г.А. Тёрнера об отсутствии надлежащих документов, подтверждающих связи НСДАП с крупными предпринимателями, считает, что обсуждение ответственности крупного бизнеса за переход Германии от демократии к диктатуре должно начинаться с анализа политических взглядов и деятельности представителей немецкого бизнеса в годы Веймарской республики. «Хотя большинство историков, изучающих Веймарский период, признают, что значительная часть крупного бизнеса не испытывала энтузиазма по поводу прихода к власти Гитлера или не была крупным финансовым спонсором партии до начала 1933 г., роль крупного бизнеса в создании условий, сделавших национал-социализм надежной альтернативой, является все еще под вопросом» [30. Р. 13]. Анализируя отношение крупного бизнеса к Веймарской республике, К. Кобрак отмечает, что многие немецкие бизнесмены, особенно в тяжелой промышленности, еще до Первой мировой войны отвернулись от ключевых положений либерализма XIX в., отстаивая *Sonderweg* (особый путь) для Германии. А в межвоенный период политическая активность бизнес-элиты против Веймарской республики стимулировалась страхом перед ростом влияния левых политических партий и требованиями рабочего класса. «Интенсивность этих опасений в сочетании с

экономическим кризисом начала тридцатых годов, ответственность за который промышленные лидеры не хотели брать на себя, сделали этих бизнесменов более склонными к правому авторитаризму» [30. Р. 12]. К. Кобрак считает, что ставка бизнес-элиты Германии на Немецкую народную партию, оказание ей огромной финансовой помощи разрушили электоральную базу партии, оттолкнув от нее средний класс. В результате в 1932 г. протестантская часть среднего класса перешла на сторону НСДАП. Весной 1930 г. крупный бизнес оказал значительное давление на все еще умеренно консервативную Немецкую народную партию, принудив ее к выходу из коалиции с социал-демократами; таким образом, было свергнуто последнее веймарское правительство, опиравшееся на парламентское большинство. Даже риск национал-социалистического переворота, по мнению исследователя, не помешал тяжелой промышленности Германии, в частности, сделать выбор в пользу авторитарного пересмотра Веймарской конституции в 1932 году.

Известный английский историк профессор Оксфордского университета Филипп Морган допускает, что НСДАП финансировалась за счет партийных взносов и небольших пожертвований сторонников партии, но как только партия добилась электорального успеха, она привлекла внимание ассоциаций бизнеса, помогавшим всем правым и центристским партиям [37. Р.66]. В отличие от историков, которые пишут о самофинансировании нацистской партии, чтобы снять ответственность с крупного бизнеса, Ф. Морган признает, что «окончательное решение о назначении Гитлера канцлером в январе 1933 года хотя и основывалось на том, что НСДАП добилась ошеломляющего успеха на выборах и имела самую большую фракцию в парламенте, но тем не менее его назначение было в большей степени связано с Гинденбургом и его консервативной кликой советников, представителями военного и экономического истеблишмента Германии..., которые выступали против демократических парламентских институтов» [37. Р. 70-71].

Тезис о самофинансировании НСДАП разделяет директор Института истории рабства в Ноттингеме профессор Дик Джерри. Но, по его мнению, вопрос об отношениях между отдельными бизнесменами и нацистами менее важен, чем тот факт, что промышленники в целом были враждебны Веймарской республике [23. Р. 33].

Нейл Грегор, профессор университета Саутгемптон, считает, что Третий рейх был следствием экономического кризиса, кризиса либеральной демократии и консервативного натиска на республиканский проект в Германии, в котором бизнес играл мощную и активную роль. Большой бизнес так и не смог полностью примириться с достижениями революции 1918–1919 годов, убежден исследователь. Он характеризует его как одну из ключевых групп, добивавшихся ослабления Рейхстага, демонстража прогрессивной системы социального обеспечения, созданного в годы Веймарской республики, а также перевооружения и более откровенной ревизионистской внешней политики. После 1933 года крупный бизнес, как справедливо утверждает Н. Грегор, «получил огромную прибыль от нацистской программы перевооружения, быстро восстановив прибыльность, значительный рост производства и высокий уровень инвестиций в 1930-х и начале 1940-х годов. Крупный бизнес был основным бенефициаром жестокого уничтожения организованных левых в 1933 году» [24. Р. 2].

В работе «Гитлер», посвященной механизмам и природе диктаторской власти, известный английский историк профессор Шеффилдского университета Ян Кершоу, характеризуя планы консервативной элиты Германии, пишет: «При Брюнинге шли разговоры о восстановлении монархии и бисмарковской системы правления. Когда землевладельческие интересы заставили Гинденбурга сместить Брюнинга, фон Папен, их собственный фаворит, устраивающий многих в мире бизнеса, предлагал, рискуя даже развязать гражданскую войну, подавить политические партии при помощи полиции и войск и ввести новую авторитарную конституцию» [7. С. 86–87]. Но реализовать этот план фон Папену не удалось, так как с помощью интриг он был сброшен со своего поста. В такой обстановке углубляются контакты Гитлера с большим бизнесом и крупными аграриями, хотя, как пишет Я. Кершоу, «немногие из них были убеждены в том, что нацистская диктатура является нужным решением» [7. С. 87]. Выступление Гитлера в Дюссельдорфском промышленном клубе обеспечило ему некоторую поддержку, но многих ему так и не удалось убедить в том, что он их человек. Но для установления длительного авторитарного режима требовалось уничтожение левых и создание массового основания для правых. Только Гитлер имел за своей спиной широкую поддержку правых. «В ноябре 1932 г. Шахт был первым, кто подписал петицию группы бизнесменов к рейхспрезиденту Гинденбургу с просьбой назначить Гитлера рейхсканцлером. Я. Кершоу отмечает, что попытки фон Шлейхера создать новые схемы работы государства и вовлечь отраслевые профсоюзы в авторитаризм вызвали полное неприятие многих лидеров промыш-

ленности. «Фатальный просчет правых консерваторов заключался в убеждении, что Гитлер участием в правительстве будет «приручен» и что пузырь нацизма лопнет» [7. С. 89]. Я. Кершоу полемизирует с историками, которые признают факт финансовой поддержки НСДАП крупным бизнесом, но пытаются представить эти пожертвования как следствие «политического вымогательства». По мнению Я. Кершоу, это «не умаляет того факта, что они были сделаны и что через них большой бизнес способствовал укреплению правления Гитлера» [29. Р. 440].

Интересные доказательства связи крупного бизнеса и нацизма еще до прихода Гитлера к власти приводят профессор политологии Массачусетского университета Томас Фергюсон и профессор экономики университета в Цюрихе Ганс-Иохим Вот. Поскольку многие документы были уничтожены во время войны или самими фирмами сразу по её окончании, считают авторы, то возникает трудность с опровержением аргументы Г.А. Тёрнера. Но все же такая возможность есть. Они исследовали динамику роста стоимости акций немецких фирм, имевших и не имевших тесные связи с нацистским движением в начале 1933 г. Полученные данные позволили сделать вывод, «что связи между нацистской партией и крупным бизнесом были гораздо более распространенными и важными, чем это признают недавние исследования» [21. Р. 101]. Каждая седьмая фирма и значительная часть крупнейших компаний имели существенные связи с НСДАП еще до прихода к власти. Что особенно важно, подчеркивают авторы, помощь в подрыве демократии принесла им немалые выгоды. После назначения Гитлера рейхсканцлером в период с января по март 1933 года стоимость акций фирм, связанных с нацистской партией, возросла на 5–8 процентов. Т. Фергюсон и Г. Вот для подтверждения своих выводов ссылаются на исследования, проведенные в Индонезии и Малайзии в период экономического кризиса, выявившие экономическую ценность политических связей для фирм, которым оказывали покровительство Сухарто в Индонезии и Мохаммада Махатхира или Ибрагима Анвара в Малайзии В коррумпированных странах, заключают авторы, политические связи имеют большую ценность.

В историографии США и Великобритании проблема «нацизм и монополии» нередко проецируется на современные экономические и политические процессы. Профессор права Мичиганского университета Фредерик Паул Фурс (псевдоним Дэниел Крейн), исследуя взаимосвязь концентрации промышленности и подъема национал-социализма, механизмы поддержки монополиями фашизма, приходит к выводу, что, хотя крупные промышленники принципиально не поддерживали Гитлера до его назначения канцлером, тем не менее монополизация промышленности способствовала подъему нацизма и консолидации его власти. Концентрация капитала, отмечает автор, обусловила шаткость позиций средних слоев, их незащищенность, изоляцию, что стало причиной их возрастающего негативного отношения к экономической и политической системе Веймарской республики. Таким образом, заключает Ф.П. Фурс, логическая связь между массовой поддержкой нацистов со стороны мелких предпринимателей и высоким уровнем монополизации экономики Германии очевидна [20. Р. 1339]. Между нацистами и монополистами, по меткому замечанию автора, была заключена «фаустовская сделка» – поддержка режима в обмен на сохранение привилегированного положения монополий [20. Р. 1356]. Нацисты использовали картельные структуры для подчинения промышленности своим целям. В результате централизации монополистические объединения Германии стали частью нацистского государственного аппарата. Через картельные соглашения с иностранными фирмами немецкие монополии подрывали готовность союзников к войне. По мнению исследователя, проблема «фашизм и монополии» является основой для дальнейших политических дебатов во имя сохранения и защиты демократии.

Заключение

В целом английские и американские ученые внесли значительный вклад в разработку проблемы «фашизм и монополии». В трудах многих историков присутствует мысль о том, что научные знания нужны для того, чтобы воспрепятствовать возрождению фашизма. Несмотря на разнообразие оценок, в целом англо-американские исследователи анализируют историю нацизма с антифашистских позиций, в их работах представлена относительно реалистическая оценка проблемы «фашизм и монополии». Историки единодушно указывают, что крупный бизнес, особенно сильно картелированный сектор тяжелой промышленности, ненавидел Веймарскую республику, чья социальная и трудовая политика, с их точки зрения, была дорогостоящей и требовала вмешательства государства в экономику. Еще до того, как мировой экономический кризис поразил Германию в 1929 году, рурские промышленники развернули наступление как на рабочий класс, так и на политику, проводимую социал-демократами, стремясь к установлению авторитарного режима. Даже историки, отрицающие

широкую финансовую поддержку НСДАП со стороны крупных промышленников до прихода нацистов к власти, представляющие их как жертв нацизма, так или иначе признают ответственность монополий за крах Веймарской республики и консолидацию власти в руках Гитлера. Они указывают на то, что крупный бизнес, обладая политическим влиянием, ничего не предпринял для защиты республики в 1933 году. Как показывают последние исследования, процесс изучения взаимодействия крупной буржуазии с нацизмом еще не завершен. Соотношение между социально-экономическими, политическими, идеологическими факторами все чаще вызывает интерес в современной исторической науке США и Великобритании. Российские историки могли бы более активно использовать наработки англо-американских коллег для воссоздания полной и объективной картины ответственности бизнес-элиты за приход нацистов к власти, для изучения разной степени ответственности различных монополий. Дальнейшее изучение англо-американской историографии Веймарской республики и фашизма весьма актуально. Оно обеспечивает обмен конкретными достижениями, способствует развитию научного знания, всестороннему осмыслению процессов, происходящих в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдашкин А.А. Американский историк С.У. Гальперин о роли большого бизнеса в истории Веймарской республики // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2010. № 4 (6). С. 99–110.
2. Богдашкин А.А. Дискуссия о судебных процессах над промышленниками Третьего рейха в публицистике и историографии США второй половины 1940 гг. – 1975 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 12 (26). Ч. 3. С. 27–35.
3. Богдашкин А.А. Политика магнатов германской тяжелой промышленности в период Веймарской республики в оценке Дж. Хальгартена // Евразийский форум. М., 2009. № 1. С. 65–73.
4. Богдашкин А.А. Р. Сэюли и Д. Мартин о деятельности германских монополий в 1918–1933 гг. // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2009. № 1. С. 74–85.
5. Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 351 с.
6. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2 т. Т. 1. Смоленск: Русич, 1994. 528 с.
7. Кершоу Я. Гитлер. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. 320 с.
8. Мартин Дж. Братство бизнеса. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 358 с.
9. Мерцалова Л.А. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1990. 207 с.
10. Синевский И.Ю. Первые американские оценки нацистского режима в Германии // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3 (95). С. 176–181.
11. XIII пленум ИККИ: Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 600 с.
12. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х томах. М.: Воениздат, 1991. Т. I. 653 с. Т. II. 527 с.
13. Уилер Дж. Американская политика в Германии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 310 с.
14. Abraham D. The Collapse of the Weimar Republic: Political Economy and Crisis. Princeton University Press, 1981. 550 p.
15. Bennis L.F. Europe since 1914. New York: George Bell, 1954. 933 p.
16. Brady R. The spirit and structure of German fascism. L.: Lyle Stuart 1937, 420 p.
17. Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, Book Club Associates, 1991. 1158 p.
18. Bullock A. Hitler: A Study in Tyranny. London, Odhams Press Limited. 1952. 776 p.
19. Cassis Y. Big Business. The European Experience in the Twentieth Century. New York: Oxford University Press, 1997. 277 p.
20. Crane D.A. Fascism and monopoly. Fascism and Monopoly // 118 MICH. L. REV. 1315 (2020). P. 1316–1370.
21. Ferguson T., Voth H.-J. Betting on Hitler – the value of political connections in Nazi Germany // The Quarterly Journal of Economics. 2008. Vol.123, No. 1. P. 101–137.
22. Fromm E. Escape from freedom. Holt, Rinehart and Winston: New York, 1941. 305 p.
23. Geary D. Hitler and Nazism. London, New York. Routledge, 2000. 112 p.
24. Gregor N. The Normalisation of Barbarism: Daimler-Benz in the «Third Reich» // The Journal of Holocaust Education. 1997. Vol. 6, No. 3. P. 1–20.
25. Grunberger R. The Twelve-Year Reich: A Social History of Nazi Germany, 1933–1945. London, Holt, Rinehart and Winston, 1971. 560 p.
26. Hallgarten G. Adolf Hitler and German Heavy industry, 1931–1933 // Journal of economic history. 1952. Vol. 12, iss. 3. S 222–246.
27. Hallgarten G. Hitler, Reichswehr und Industrie: Zur Geschichte der Jahre 1918–1933. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1955. 139 S.
28. Horkheimer M. Die Juden und Europa // Zeitschrift für Sozialforschung. 1939. Vol. 8, iss. 1/2. P. 115–137.

29. Kershaw I. Hitler: 1889–1936. London, Allen Lane: The Penguin Press, 1998. 880 p.
30. Kobrak C., Hansen P.H. European Business, Dictatorship, and Political Risk, 1920–1945. New York: Berghahn Books, 2004. 261 p.
31. Laski H. Revolution by Consent // Nation. 1943. Vol. 167 (September). P. 349.
32. Lochner L.P. Tycoons and Tyrant: German Industry from Hitler to Adenauer. Chicago: Henry Regnery Company, 1954. 304 p.
33. Manchester W. Discusses The Arms of Krupp with Columnist Robert Cromie. Tucson: Motivational Programming Corporation, 1969. patricktreardon.com
34. Manchester W. The Arms of Krupp. 1587–1968. Boston Little, Brown & Company, 1968. 976 p.
35. Mason T. The Primacy of Politics. Politics and Economics in National Socialist Germany // Nazism, Fascism and the Working Class / ed. by J. Caplan. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 361 p.
36. Milward A.S. War, economy and society. 1939–1945. London: Lane, 1977. 395 c.
37. Morgan Ph. Fascism in Europe, 1919–1945. London, New York, Routledge, 2003. 216 p.
38. Nationalsozialistische Aussenpolitik / Michalka, Wolfgang. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978. 579 S.
39. Nazism: an assault of civilization / Paassen Pierre Van, Wagner R., Wise J.W. . NY: Harrison Smith and Robert Haas, 1937. 313 p.
40. Neumann F. Behemoth. The structure and practice of National Socialism 1933–1944, New York and Evanston. 1944. 592 p.
41. Niebuhr R. Moral man and immoral society. NY: Charles Scribner's Sons, 1932. 277 p.
42. Orwell G. Shopkeepers at War First published: The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius. London: February 19, 1941.
43. Paxton R.O. The Anatomy of Fascism. New York: Alfred A. Knopf, 2004. 321 p.
44. Pool J., Pool S., Who Financed Hitler: The Secret Funding of Hitler's Rise to Power, 1919–1933. New York: The Dial Press, 1978. 535 p.
45. Ries J.M. German big business and the rise of Hitler by Henry Ashby Turner // The Journal of Historical Review. 1985. Vol. 8, no. 3. P. 369–372.
46. Roosevelt Franklin D. Message from the President of the United States transmitting recommendations relative to the strengthening and enforcement of antitrust laws. DOC. NO. 75-173, at 1 (1938).
47. Rosenberg A. Fascism as a Mass-Movement (1934) // Historical Materialism. 2012. Vol. 20.1. P. 144-189.
48. Rosenfeld G. The reception of William L. Shirer's The rise and fall of the Third Reich in the United States and West Germany, 1960–62 // Journal of contemporary History. 1994. Vol. 29, no. 1 (January). P. 115-128.
49. Schuman F. Germany since 1918. New York: Henry Holt and Company. 1937. 128 p.
50. Schweitzer A. Big Business and the Nazi Party in Germany // The Journal of Business of the University of Chicago. 1946. Vol. 19, no. 1. P. 1–24.
51. Schweitzer A. Big Business in the Third Reich. Bloomington: Indiana University Press, 1964. 739 p.
52. Secret Reports on Nazi Germany: The Frankfurt School Contribution to the War Effort / ed. by Raffaele Laudani, Princeton: Princeton University Press, 2013. 679 p.
53. Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany. New York: Simon and Schuster, 1960. 1245 p.
54. Snyder L. Hitler and Nazism. New York, Franklin Watts, Inc., 1961, 151 p.
55. Strasser O., Stern M. Flight from Terror. New York: R.M. McBride & company, 1943. 361 p.
56. Turner H.A. Hitler's Thirty Days to Power: January 1933. Addison-Wesley, 1996. 255 p.
57. Turner H.A. Emil Kirdorf and the Nazi Party // Central European History. 1968. Vol. 1, no. 4. Dec. P. 324-344.
58. Turner H.A. German Big Business and the Rise of Hitler. New York: Oxford University Press, 1985, 525 p.
59. Turner H.A. Hitler's Secret Pamphlet for Industrialists, 1927 // The Journal of Modern History. 1968. Vol. 40, no. 3 (Sep.). P. 348–374.
60. Turner H.A. The Political Science Quarterly (Winter 1982/1983). P. 739–741.
61. The American Historical Review. 1983. Vol. 88, iss. 4 (October). P. 1143, 1145–1149.
62. Wiesen S. Jonathan. West German Industry and the Challenge of the Nazi Past, 1945–1955. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001. 329 p.
63. Wood N. Communism and British Intellectuals. NY: Published by Gollancz, 1959. 256 p.

Поступила в редакцию 03.10.2020

Сергеевкова Инна Фёдоровна, кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: Sergeenkov.alexander@yandex.ru

*I.F. Sergeenkova***THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN BIG BUSINESS AND NAZISM
IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE UNITED STATES AND GREAT BRITAIN**

DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-100-119

The article presents an analysis of the works of American and English historians devoted to one of the key problems in the history of Nazism – the problem of relations between the NSDAP and big business during the Weimar Republic. The collapse of the first democratic republic and the rise of the Nazis to power were a great tragedy for world history. What forces destroyed the Weimar Republic, and who is responsible for it, this question has always aroused the interest of historians. The literature on this topic is very large, so the main attention is paid to the works of the most famous American and English specialists. The article traces the evolution of historians' assessments of the role of the monopolistic bourgeoisie for the rise of the Nazis to power from the 1930s to the present day, highlights the stages in the development of American and English historiography, due to the change of research paradigms and generations of historians. Most American and British historians reject the definition of fascism given at the XIII Plenum of the ECCI on fascism as an open terrorist dictatorship of the most reactionary, most chauvinistic and most imperialist elements of financial capital. However, in most of the works, the responsibility of the business elite for the collapse of the Weimar Republic is more or less recognized. The article draws conclusions about the prospects and directions of further study of this problem.

Keywords: big business, Hitler, Nazism, Nazi ideology, historiography, Weimar republic.

Received 03.10.2020

Sergeenkova I.F., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: Sergeenkov.alexander@yandex.ru